

УДК 264-76:330

Фунтусов Е. В.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ЗНАЧЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ДАРА ДЕРРИДА ДЛЯ «КАПИТАЛА» МАРКСА

В статье обсуждается значение проблематики дара, которую разработал Жак Деррида, для понимания «Капитала» Карла Маркса. В этом контексте актуализируются отношения между экономией и даром. Эта актуализация позволяет в очередной раз прояснить марксистское понимание истории.

Ключевые слова: дар, экономия, время, экономический (эквивалентный) обмен, прибавочное время, стоимость, исторический субъект.

У статті обговорюється значення проблематики дару, яку розробив Жак Дерріда, для розуміння «Капіталу» Карла Маркса. В цьому контексті актуалізуються відносини між економією та даром. Ця актуалізація дозволяє знов прояснити марксистське розуміння історії.

Ключові слова: дар, економія, час, економічний (еквівалентний) обмін, прибавочний час, вартість, історичний суб'єкт.

In the article relevance of a problematics of gift, developed by Jacque Derrida for understanding of «Capital» by Karl Marx, is discussed. In this context relations between economy and gift are actualized. This actualization allows to clarify Marxist understanding of history once again.

Keywords: gift, economy, time, an economic (equivalent) exchange, additional time, cost, the historical subject.

В «Капитале» Маркс несколько раз использовал понятие *«Umsonstarbeiten»* (в русс. переводе – даровой труд), как необходимую и существенную характеристику прибавочного труда. Использовал, дабы подчеркнуть эксплуатационный характер образования прибавочной стоимости. Однако, по Марксу, на прибавочном труде, соответственно, и прибавочном времени зиждутся свободное время и вся цивилизация и культура. Поэтому в прибавочном труде открываются революционные потенции, которые подпитывают жизнь эмансипационного процесса истории. И Маркс справедливо использует понятие дара для объединения всех этих потенций, ведь только в проблематике дара обнаруживается то, что каким-то образом связывает прошлое, настоящее и будущее, некая трансляция самой человеческой жизнедеятельности, со-общение форм общественной организации, одним словом то, что делает самую человеческую жизнь (вос)производимой. *Задачей этой статьи, поэтому, является описание того механизма, который при господстве капиталистических отношений осуществляет это со-общение.* То со-общение, которое является внутренним энергетическим принципом самой истории как таковой.

Для начала необходимо напомнить, как предложил понимать дар Жак Деррида, поскольку автор считает его представление о даре философски более емким и глубоким, и, помимо этого, оно хорошо вписывается в стихию марксистской философии. Итак, в своих небольших работах «Дар смерти», «Фальшивая монета» и «Дарить время» он отказывается рассматривать проблематику дара сквозь призму антропологии, социологии, психологии и прочих гуманитарных дисциплин.

В «Даре смерти» Деррида заявляет, что *два таких феномена как обмен и дар, никоим образом не могут быть связаны друг с другом.* Он иллюстрирует этот тезис на примере уже сделавшей себе карьеру в философии ситуации Авраама, который «<...> находится в том положении, где нет даже намека на какой бы то ни было обмен в отношениях с Богом ибо он даже не ожидает ни ответа, ни награды от Него. Ответ, а отсюда и ответственность, всегда предполагают нечто такое, что неизбежно желают получить взамен, а именно, компенсацию или вознаграждение» [1, с. 109]. Почему словосочетание «обмен дарами» вызывает у Деррида категорическое неприятие? Отвечая на этот вопрос, нужно понимать, что Деррида подразумевает, что *обмен возможен лишь как осознаваемый факт.* Там, где я мыслю, желаю или еще что-то, что было бы связано с некоей интенциональностью, уже невозможно говорить об отсутствии эквивалентности, если стоять на том утверждении, что дар лежит вне пределов эквивалентных отношений. Маркс рассматривает несколько простых формулировок

эквивалентных отношений: «do ut des», «do ut facias», «facio ut des» и «facio ut facias» [«даю, чтобы ты дал», «даю, чтобы ты сделал», «делаю, чтобы ты дал» и «делаю, чтобы ты сделал»].

Итак, немислимо обмениваться равноценными, равнозаменимыми или взаимовозмещающими дарами. Но можно обмениваться эквивалентными подарками. Главное, что нельзя мыслить любую ситуацию обмена как возможный дар. А ведь проблема в том, что именно экономическому обмену (обмену эквивалентному) был противопоставлен обмен символический (по мнению Деррида, такой же эквивалентный), который и отождествлялся с даром [* 1]. И именно в стремлении называть вещи своими именами Деррида очищает понятие дара от векового налета недоразумений.

Во-первых: дар как дар возможен, но возможность эта обусловлена его забвением со стороны как дарящего, так и одариваемого.

Дабы дар был даром, о нем не столько необходимо не помнить или не знать, сколько не помнить о том, что не помнишь или не знать о том, что не знаешь. Забвение дара является его собственным условием. Он может осуществляться лишь за спиной участников: «В любом случае, дар не должны как дар воспринимать ни тот, кто получает дар, ни тот, кто дарит» [2, с. 22]. Это не просто условие, точнее даже не столько условие. Условия как таковые, условия как, если хотите, правила игры, и даже как Закон, возможны лишь тогда, когда они осуществляются во времени, то есть длятся больше мгновения. А что длится дольше мгновения? Наверное, лишь то, душою чего и является время, то, что настолько ущербно, что для одного лишь наличия времени достаточно одного лишь неприятия покоя. Время для человека начинается там, где начинаются вопросы, как сказал бы Хайдеггер.

Предельно важным для понимания того, что не есть дар, является ситуация возвращения. То есть именно для того, чтобы что-то было возвращено, и необходимо время. Ведь возвращение возможно не одновременно с отправлением, а исключительно после него. Вопрос не в том, долго или недолго нечто длится, оно вообще может длиться бесконечно короткий промежуток времени, а в том, что что-то следует за чем-то. Эту ситуацию Деррида называет экономией, которая для него – мышление как таковое, целевое мышление, мышление, ориентированное на достижение результата, одним словом – рациональное мышление. Принцип его осуществления: исход во имя возврата. Не в самом себе, а где-то там, что я противопоставляю себе, что я полагаю как не мое, есть то, с чем необходимо вернуться, поскольку того, что есть здесь, по определению недостаточно. И поэтому, если так сказать, западная цивилизация начинается с того, что Одиссей отплывает с Итаки, лишь для того, чтобы вернуться, и окончательно обнаруживает себя в философии Гегеля, когда Абсолютный дух отрицает себя в природе только для того, чтобы возвратиться к себе в понятии. Теоретический приговор западному мышлению был провозглашен уже Марксом в формуле Д – Т – Д': при капитализме материальные основания рынка полностью олицетворяются в этом принципе, сбрасывая все «ржавые» формы мышления. Именно поэтому для Деррида дар не может мыслиться как круговая фигура, фигура цикла. Круговращение не может описать дар, поскольку цикл исхода/возврата уже предполагает целевое основание. Поэтому, дар обнаруживается лишь там, где что-то исходит, никогда не возвращаясь.

Но как это понимать? Если о времени говорится тогда, когда мы имеем любую последовательность, например в экономике купля/продажа, купля/демонстрация, то о даре речь идет, пожалуй, тогда, когда время отсутствует. Иными словами, времени для дара попросту нет. Дар не может быть во времени, не может быть некоего акта дарения, дарения, как некоего действия, которое бы длилось.

Но дар, все же, возможен, возможен как забвение самого себя как свершившегося. Это означает лишь одно – дар возможен при условии его отсутствия. И это необходимо понимать буквально. Никакие разговоры о том, что кто-то может одарить от чистого сердца или по принуждению, так же как и то, что кто-то может принять дар с благодарностью или делая одолжение, не отсылают к дару как таковому. Но, в тоже время, один может дарить, второй примет дар, и это будет дар, если оба, банально, будут не осознавать, что делают.

Во-вторых: дарить можно только время.

Из вышеизложенного уже должно быть понятно, что к стихии дара не относится вещь (das Ding). Нельзя подарить вещь, вообще ничего нельзя подарить, подарить сознательно, ни предмет, ни внимание, ни, тем более, такую вещь как свободу. Это невозможно, поскольку на дар времени попросту нет. Значит, дар относится к возможности времени, дар предоставляет

для времени время, но исключительно до этого пункта, поскольку далее – уже само время, смещающее дар. «Темпорализация времени <...> всегда начинает процесс деструкции дара: в сохранении, в восстановлении, в репродукции, в предвидении или ожидающем восприятии, которое наперед возвращает себе или воспринимает подаренное» [2, с. 22].

Дар предоставляет времени возможность проявиться, и, как только время оказывается предоставленным, оно тут же аннулирует дар. *Как только время начинает времени, оно более уже не нуждается в том, что его овозможнивает.* Но это «не нуждается» имманентно «по сю сторону» времени некоему сознанию времени. «Время в самом себе не содержит ничего временного» [2, с. 29]. *Дар есть дар возможности, возможности чему-то быть, пребывать во времени.* То, что далее, лежит за пределами дара, по той простой причине, что единственное, что есть в мире, которое бы не нуждалось во времени, – это дар. А все остальное можно назвать одним словом – время. Все, кроме дара, нуждается во времени. Но время, безусловно, не есть некая величина, которая бы могла быть исчисляема. *Время отсылает лишь к тому, что может быть заполнено во времени. Дар времени, поэтому, означает лишь то, что чему-то предоставляется возможность на существование, лишь то, что что-то получает право на время, право на продолжение, право на продление.*

В-третьих: дар запускает экономию.

Нечто, получая право на время, продолжает свое существование, как уже понятно, в субъект-объектном, также как и в субъект-субъектных отношениях, в отношении обмена между субъектом и объектом, в круговращении вещей между субъектом и объектом. Субъект вступает в отношения с объектом по уже известному принципу: *источение во имя возвращения.* Именно этому круговращению, этой экономии и необходимо время. Не на собственном основании зиждется экономия, не на собственных ресурсах, уже лишь в силу своей производности от дара, вторичности после события дара. Каждый момент, абсолютно каждый момент экономии уже получил возможность быть посредством дара, дара *быть*.

Теперь, после сжатых пролегоменов переходим к самой сути. Вся история человечества есть история постоянного производства посредством воспроизводства, точнее производство всегда выступает как воспроизводство. *А воспроизводство, забегая наперед, всегда выступает как усвоение всего прошлого наследия, полученного в дар самой историей.* «В своей новой форме капитал даром усваивает общественный прогресс, совершившийся за спиной его старой формы» [3, с. 611] – говорит Маркс. И подлинно универсальным производством свершается со вступлением на сцену истории, которая отныне становится всеобщей, капиталистического способа производства. Капитал, в погоне за наживой, делает небольшое одолжение, так сказать, самой истории тем, что соединяет средства производства и способность к труду в живой труд. «Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости» [3, с. 190]. Но воскресение из мертвых труда есть в тоже время воскресение из мертвых тех производственных отношений, которые были обусловлены все прошлым трудом.

Здесь, по видимому, следует отметить ту основательную позицию относительно истории, которую заявил Луи Альтюссер. *История возможна как субъект лишь в силу того, что она является процессом без субъекта(ов).* Поэтому, исторический процесс есть неустанное и бесконечное воспроизводство субъектом самого себя, каждый раз в снятой форме. При капиталистическом способе производства исторический субъект практически окончательно соединяет в себе свои разобщенные формы самого себя. Раскол все же остается, и раскол этот теперь вездесущ. Это последний классовый раскол на капиталистов и пролетариат. *Следовательно, воспроизводство самой человеческой жизнедеятельности на определенной ступени своего развития принимает такую форму, при которой самый этот процесс развития окончательно разламывается в самом себе на одну часть себя, которая живет лишь паразитируя на самом себе как целом в своем поступательном развитии, и на другую часть, которая живет лишь обслуживая это паразитирование и на своем горбу продолжая нести как самую себя, так и остальную часть в единстве с собою как целым.*

В каждом процессе производства воспроизводится вся история труда. Рабочее время Маркс разделял на время необходимое и время прибавочное, в которое производится прибавочная стоимость. Пытаясь объяснить, почему стоимость не просто склонна, но самой её природе при капитализме предначертано самовоспроизводиться лишь в самовозрастании, Маркс делает колоссальное открытие, которое заключается в том, что *за безудержной способностью*

капитала самовозрастать, кроется единственная возможность для истории человечества себя продлевать. Именно в функции прибавочного труда, при данной исторической эпохе, открывается канал, в котором человек транслирует самого себя в будущее. Иными словами, *проблематика дара, описанная Деррида и выступающая лишь как чисто умозрительная конструкция, теперь получает право на практическую реализацию именно в материалистическом понимании истории.* Именно в проблематике прибавочного труда и кроется тайна того феномена, который имеет такое красивое название – дар.

Итак, всю логику исторического процесса можно наблюдать в конкретном капиталистическом способе производства, который, как уже понятно, здесь рассматривается как классический, то есть тот, который описывал Маркс. И возможен этот процесс именно потому, что капитализм частным образом присваивает эту логику, что на деле оказывается присвоением исторического субъекта (уже расколотого на классы) в форме капитала собственного пути становления, как уже не расколотого, а как единого, монолитного наследия. Это присвоение, именно как производство посредством воспроизводства, назовем *стоимостным метемпсихозом*. В «Феноменологии духа» Гегель учил, что «истина есть движение истины в самой себе». В этой формулировке скрыта и вся логика образования стоимости, которая выражает в себе лишь превращенную форму логики истории.

В формуле $D - T - D$ ничего не будет прояснено, пока не будет осознано то, что речь идет и не о товарах, и не о деньгах. *А речь о том идет, что себя реализовывает то изначально как товар, то потом как деньги и наоборот.* $D - T - D$ есть такой процесс, который себя осуществляет как общение с самим собою. В отношении с собою он раздваивается в себе на себя в форме товаров, а затем продолжает раздваиваться уже, будучи раздвоенным в формах товаров, на себя как товар и на себя как деньги. Это не абстрактные фразы, а вполне реальный процесс, который Маркс называет *стоимостным субъектом*. Стоимость «<...>» внезапно выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы <...> она теперь вступает, так сказать, в частное отношение к самой себе» [3, с. 161]. Точнее некий процесс Маркс начинает сравнивать со самопознающим себя субъектом Гегеля. У Гегеля Дух как субъект собственного движения становится в форме понятий, у Маркса общественный процесс капиталистического производства как субъект собственного движения становится в товарной форме. Товарная форма как таковая может быть лишь тогда, когда она имеет форму стоимости. А поскольку стоимость есть не что иное, как скрытое за ней общественное отношение самих людей, постольку и кульбиты, происходящие в стоимостном процессе, уже суть общественно-производственные отношения. Процесс общественных отношений есть процесс единого, раскалывающего себя в себе на уже-самих-себя самостоятельных субъектов. И эти уже-сами-себя субъекты как-то относятся друг к другу, борются, так сказать, за признание, а признанием служит при капитализме лишь полезная производительная деятельность, которая может выражаться лишь в эквивалентной форме. Иными словами, единое, расколовшись в себе на множество уже-самих-себя, как единое продолжает осуществлять себя как отношение в самом себе к самому себе как одной части себя к другой части себя, причем эти части узнают друг друга лишь в равенстве, или эквивалентности. Единое построило в себе целое правовое государство равных граждан. Но эти граждане малоподвижны, многие даже не знают о существовании друг друга, поэтому они ищут способ ускорить процесс общения и обнаруживают, что подобное сотворить возможно лишь при условии некоего общественного договора путем отторжения от себя одного из них и сделать всех себя равным одному ему. Ведь никто не может относиться к себе как к эквиваленту, но сделать эквивалентно значимым нечто одно является историческим прогрессом. «Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющую в товарной природе противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этой противоположности ведет к возникновению самостоятельной формы товарной стоимости и не унимается до тех пор, пока задача эта не решена окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги» [3, с. 94].

Но товар и деньги суть одно – различные формы скрытых за ними общественных отношений. А уже ясно, что общественные отношения принимают форму стоимостных отношений, где и товар – стоимость, и деньги – стоимость. Поэтому очевидно, что не товар, как меновая стоимость, обменивается на деньги, а стоимость обменивается на стоимость, или на саму себя. То есть получается такой себе *стоимостный монолог стоимостного субъекта*. «Как

самовозрастающий субъект этого процесса, в котором она то принимает, то сбрасывает с себя денежную и товарную формы и в то же время неизменно сохраняется и возрастает в этих превращениях, стоимость нуждается прежде всего в самостоятельной форме, в которой было бы констатировано ее тождество с нею же самой» [3, с. 161]. Именно вследствие этого $D = D'$ не есть математический абсурд, а есть естественное следствие этого монолога. В этом вся загадка прибавочной стоимости, которая не есть некая надбавка к уже существующей капитальной стоимости, а является ей, так сказать, одновременно сестрою и дочерью. За присоединением стоимости неоплаченного труда к стоимости следует усматривать исключительно процесс присоединения стоимости самой себя к самой себе в собственном движении, которое есть самовозрастание. Лучше Маркса сказать сложно: «<...> стоимость становится здесь субъектом некоторого процесса, в котором она, постоянно меняя денежную форму на товарную и обратно, сама изменяет свою величину, отталкивает себя как прибавочную стоимость от себя самой как первоначальной стоимости, самовозрастает. Ибо движение, в котором она присоединяет к себе прибавочную стоимость, есть ее собственное движение, следовательно ее возрастание есть самовозрастание. Она получила магическую способность творить стоимость в силу того, что сама она есть стоимость» [3, с. 161].

И еще раз о том, что это за монолог или самовозрастание. Известно, что в процессе образования прибавочной стоимости, эквивалентный обмен одновременно и нарушается, и сохраняется. Парадокс состоит в том, что/кто с чем/кем здесь находится в эквивалентных отношениях: стоимость к стоимости или вполне конкретный капиталист и вполне конкретный пролетарий. Именно в самовозрастании стоимости эквивалентные отношения соблюдаются беспрекословно, а конкретное проявление отношений класса капиталистов и класса пролетариата не является самостоятельным существованием, а имманентным самому процессу образования стоимости проявлением. То, что в этом процессе проявляется конкретная эксплуатация, обнищание огромного слоя населения, есть лишь «необходимый» эпизод в продлении общественного процесса, или, что то же самое, капиталистический процесс производства есть лишь необходимый эпизод в истории человечества.

Самовозрастание стоимости происходит только в форме $D - T - D$. При $T - D - T$ никакого возрастания стоимости не наблюдается лишь постольку, поскольку у истоков этого обращения стоит товарная стоимость, которая способна на обмен только равной самой себе, такой же товарной стоимости. Здесь нет места для качественного преобразования, что в нашем случае означает лишь одно: если бы $T - D - T$ был единственным способом обмена, то намеки на всеобщую историю с появлением товарного производства так и остались бы намеками. Поэтому $T - D - T$ требует естественного перехода в свою противоположность: $D - T - D$. Не товар теперь стоит у истоков, а деньги, но всегда необходимо помнить слова Маркса о том, что «не деньги делают товары соизмеримыми. Наоборот. Именно потому, что все товары как стоимости представляют собой овеществленный человеческий труд и, следовательно, сами по себе соизмеримы, – именно поэтому все они и могут измерять свои стоимости одним и тем же специфическим товаром, превращая таким образом этот последний в общую для них меру стоимостей, т. е. в деньги. Деньги как мера стоимости есть необходимая форма проявления имманентной товарам меры стоимости, – рабочего времени» [3, с. 101].

Итак, если процесс обращения начинается с купли ради продажи, а не с продажи ради купли (что свойственно классу пролетариата), то процесс этот имеет шанс просуществовать больше отведенного ему срока именно потому, что *обратное возвращение стоимости* уже становится очередным условием новой покупки, дабы опять вернуться и так до бесконечности. При этом будем помнить, что процесс обмена – это всегда эквивалентные отношения, то есть отношения равенства. Капиталист и капиталист между собой живут по этой формуле: $T - D - T$. «В своем чистом виде он есть обмен эквивалентов и, следовательно, не может быть средством увеличения стоимости» [3, с. 165]. Но процесс производства, предшествующий обмену, уже функционирует как $D - T - D$, для которого $T - D - T$ есть продолжение $D - T - D$ с известного пункта. Поэтому, дабы капиталист выручил прибыль (D') на рынке, соблюдая там эквивалентные отношения, в процессе производства они должны быть нарушены и не нарушены. «Где равенство, там нет выгоды» [3, с. 165] – цитирует Маркс Галиани. Справедливое замечание, поскольку капиталист не может наживаться за счет другого капиталиста, по сути, за счет самого себя. Подобное возможно лишь тогда, когда у него есть великолепный товар – рабочая сила, которая воскрешая весь прошлый труд и самого себя, уже

служит источником самовозрастания стоимости, что на деле есть лишь собственное движение формы стоимости. «В то время как производительный труд превращает средства производства в элементы образования нового продукта, с их стоимостью совершается своего рода переселение души. Из потребленного тела она переселяется во вновь сформированное тело» [3, с. 213]. *Это переселение стоимостной души, этот стоимостный метемпсихоз и есть фактически самопродвижение общественного процесса, осуществляющегося путем собственного одаривания самого себя самим собою, одаривания самого себя собственным наследием, одаривания самого себя собственным содержанием самого себя в снятой форме.* Поэтому, как только начинается прибавочное время, так, в то же мгновение, уже свершился и дар. Ведь к чему отсылает сама этимология прибавочности времени? Лишь к тому, что к необходимому бытию прибавляется бытие, которое не менее необходимо в общечеловеческом смысле. Но, поскольку это не менее необходимое время, время в строго деридианском смысле, то есть *время на быть*, частным образом присваивается капиталом, то его существование только и может быть основано на неоплаченности. Ведь и время необходимое, и время прибавочное есть в действительности единая величина, общественно-необходимая величина, то есть время, общественно-необходимое человечеству для собственного воспроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деррида Ж. Дар смерти / Жак Деррида; [пер. с англ. Ю. А. Азаровой] // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія: теорія культури і філософія науки. – Х., 2003. – Ч. 4. – № 587. – С. 103–117.
2. Дерріда Ж. Дарувати час / Жак Дерріда; [пер. з фр. Мирослави Ющенко]. – Львів.: Літопис, 2008. – 208 с.
3. Маркс К. Капітал. Т. I. Книга I: Процес виробства капіталу / Карл Маркс; [пер. с нем. И. И. Степанова-Скворцова]. – М.: Госполитиздат, 1951. – 794 с.